

Уважаемые читатели! Ниже представлен сокращенный вариант главы из готовящейся к печати монографии «Философия религии». Несмотря на то, что в книге разбираются работы классиков марксизма о религии, написанные более 150 лет назад, их содержание сохраняет свою актуальность и по настоящее время, особенно для современной России. Известно, что страна быстрыми темпами теряет свое светское обличье, натягивая на себя поповскую рясу, результатом чего явилось безмерное увеличение стада овец. Но религиозная чума затронула и так наз. левое движение, в частности КПРФ, которая превратилась в партию «христианского социализма», являющуюся отпрыжкой некогда популярного в Европе течения – «феодалного социализма». Настоящая статья – это напоминание о том, как относились к христианству основатели марксизма, чьим именем прикрываются нынешние лжемарксисты и псевдокоммунисты. Судите сами.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О РЕЛИГИИ

Маркс и Энгельс довольно часто обращались к теме религии и совершенно не случайно. Они были убеждены, что критика общества начинается с критики религии, как наиболее яркого отражения сущности самого общества. Уже в ранних работах они подвергли атаке маститых философов за их религиозные позиции. В этой связи есть смысл сразу же обратить внимание на три вещи.

Первое. Маркс и Энгельс не обсуждали вопрос «существования» бога, поскольку к середине XIX в. эта тема перестала быть актуальной в том смысле, что после века Просвещения (XVIII в.) мало кто из образованных людей верили в эту легенду. В отношении же Иисуса Христа как исторической личности возникло разномыслие: одни считали, что такой личности в физическом смысле не было, а был обобщенный образ, другие – возможно и был, но не как бог. Эти темы детально были освещены в работах Давида Штрауса, Эрнеста Ренана и наиболее убедительно у Бруно Бауэра. Для Маркса с Энгельсом сама по себе историчность Христа не имела особого значения, поскольку они анализировали не личность, а само *христианство*, его происхождение и влияние на ход общественного развития. С этой точки зрения в принципе было не важно: существовал Христос или нет.

Второе. Особенность подхода Маркса и Энгельса в отношении христианства заключалась в том, что в отличие от предыдущих философов даже атеистической ориентации в их работах значительно большее внимание уделено *экономическим и историческим причинам возникновения и существования христианства*, чем психологическим или другим случайным факторам, хотя последние и не сбрасывались со счетов.

Наконец, третья особенность. Читатель религиозной литературы должен был заметить, что большинство теологов, богословов и философов-идеалистов свои суждения и мысли обрамляли балластом псевдо-философских выражений и словесных выкрутас, смысл которых, уверен, они зачастую и сами не могли бы объяснить. В отличие от них язык Маркса и Энгельса понятен и ясен для любого образованного человека.

В этой статье я также хочу обратить внимание на некоторые взгляды этих выдающихся людей, которые обычно игнорируются многими критиками религии, но которые остаются актуальными до наших дней.

Энгельс о религии

Сразу же хочу отметить, что религиозными проблемами Энгельс занимался больше, чем Маркс, скорее всего, потому, что в отличие от своего друга он был рожден в крайне религиозной семье. Из Верующего в Думающего (=атеиста) он превращался не сразу, а постепенно, и прежде всего под влиянием книги Д. Штрауса «Жизнь Иисуса». Этот процесс отражает его переписка со школьными товарищами – братьями Греберами, ставшими в последующем пастырями. Еще будучи религиозным он задает такие вопросы одному из братьев – Фридриху: «Я не понимаю, как ортодоксальные священники могут быть столь ортодоксальны, когда в Библии встречаются такие явные противоречия. Как можно согласовать обе генеалогии Иосифа, мужа Марии, различные версии, касающиеся тайной вечери («сие есть кровь моя, сие есть Новый завет в моей крови») и рассказа об одержимых бесами (в первом случае рассказывается, что бес просто вышел, во втором – что бес вошел в свиней), версию, что мать Иисуса отправилась искать

своего сына, которого она считала помешанным, хотя она его чудесно зачала, и т. д., – как согласовать все это с верой в правдивость, безусловную правдивость евангелистов?»

Аналогичные вопросы он задает и в других письмах, на которые ни один из братьев не смогли дать внятного ответа. В то время молодой Энгельс находился под влиянием Д. Штрауса, которого оценивал в самых высокопарных выражениях, называя даже «гением».

Тот же Штраус подтолкнул молодого Энгельса и к Гегелю. Когда он приехал в Берлин, там царила «гегельянская атмосфера», в которой религиозная тематика занимала чуть ли не главное место. В кружке братьев Бауэров эта тема обсуждалась наиболее часто, а старший из братьев, Бруно, вообще специализировался по христианству. К тому же в это время Энгельс посещал лекции В. Шеллинга, который под старость впал в религиозность. И как раз первую работу на тему религии Энгельс (в возрасте 22 лет!) написал против Шеллинга. В ней он в пародийной форме интерпретирует не только самого Шеллинга, но и тексты Библии. Кстати, в этой статье он обращает внимание на искусственно усложненный язык интерпретации Библии клириками и философами, в том числе и самого Шеллинга. Вместе с Эдгаром Бауэром он написал и остроумную поэму-пародию, видимо, тоже как отклик на лекции Шеллинга. Вот небольшой кусок, демонстрирующий ироничную позицию младогегельянцев, в круг которых на тот период входил молодой Энгельс.

«Услышь, господь, услышь! Внемли моленную верных,
Не дай погибнуть им в страданиях безмерных!
Терпенью твоему когда конец придет,
Когда ты казнь пошлешь на богохульный род?
Доколе процветать ты дашь в земной юдоли
Безбожным наглецам? Скажи, господь, доколе
Философ будет мнить, что «я» его есть «я»,
А не от твоего зависит бытия?
Все громче и наглей неверующих речи...
Приблизь же день суда над скверной человечей».

Господь на то в ответ: «Не пробил час для труб,
Еще не так смердит от разложения труп.
К тому ж и воинство мое – от вас не скрою –
Не подготовлено к решительному бою.

Свой открытый атеизм Энгельс проявил в блестящей рецензии на одну из книг Томаса Карлейля, в которой критически разобрал взгляд англичанина-пантеиста на религию, четко заявил: «мы раз и навсегда объявили войну также религии и религиозным представлениям и мало беспокоимся о том, назовут нас атеистами или как-нибудь иначе». И эту войну Энгельс не прекращал всю свою жизнь.

Поскольку на тему происхождения религий написано множество работ, Энгельс, также как и Маркс, не уделял ей особого внимания, главным образом сконцентрировавшись именно на христианстве.

Известно, что многие ученые постоянно задают вопрос: как случилось, что народы римской империи предпочли всем другими религиям «эту бессмыслицу, проповедуемую к тому же рабами и угнетенными, так что, наконец, честолюбивый Константин увидел в принятии этой бессмысленной религии лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира».

На самом деле причины были вполне земными и естественными. До римского владычества у каждой народности будущей империи были свои национальные боги. Силовое вынужденное вхождение этих народов в состав империи разрушали не только их общественные устройства, их независимость, но и местные религии. Это, естественно, вызывало брожение в массах. Надо было найти какой-то выход. И выход нашелся, только не в этом мире. Естественно, для тех времен таким утешителем могла быть только религия, единая религия, которая была бы понятна *profanum vulgus* (простонародью).

Наиболее страждущими такой религии были самые беззащитные, каковыми в те времена были рабы. Если внешний мир для них был враждебен, то хотя бы внутренний мир мог дать им некое утешение. В несколько лучшем, но тоже в кризисном положении находились крестьяне, а также беднейшие слои городского населения. Другими словами, во время всеобщего экономического, политического,

умственного и особенно морального разложения объединителем выступило христианство, которое было созвучно настроениям тогдашних народных масс.

Более подробно и детально эта тема была отражена в специальных статьях Энгельса, одна из которых была посвящена Б. Бауэру, написавшему серию критических работ о христианстве.

В своих книгах Бауэр доказал, что фактическим создателем Евангелий был александрийский историк еврей Филон, которого по праву можно было бы назвать отцом христианства, а римского стоика Сенеку – дядей христианства. Энгельс пишет, что Бауэр доказал, что «послания часто почти дословно списаны у Сенеки».

Конечно же, при этом надо иметь в виду не только произведения Филона и Сенеки, а в целом так называемую греко-римскую философию – платоновскую и в особенности стоическую – всё вкупе и составляло массивное ядро евангелических текстов.

Любопытно рассуждение Энгельса в работе, написанной через год, где он анализирует книгу Откровения, которая была создана в 68 г. или январе 69 г. – дата, почерпнутая им из работ Б. Бауэра. Внимание обращено на то, что в Откровении не упоминается Троица; «агнец» подчинен богу; вместо одного духа там их семь и т.д. Вот что Энгельс пишет об авторе Откровения – Иоанне Богослове:

Он даже не претендует быть «апостолом» Иоанном, хотя на основаниях «нового Иерусалима» имеются «имена двенадцати апостолов агнца» (XXI, 14). Следовательно, когда он писал, их, по-видимому, уже не было в живых. Что он был еврей, видно по обильным гебраизмам в его греческом языке, который плохой грамматикой резко выделяется даже среди других книг Нового завета. Что так называемое Евангелие от Иоанна, послания Иоанна и эта книга принадлежат по крайней мере трем различным авторам, ясно доказывает их язык, если бы этого не доказывали изложенные в них учения, которые совершенно расходятся между собой.

В этой работе также упомянуто происхождение числа 666, которое шифрует «гонителя» христиан, ужасного антихриста Нерона. И хотя Нерон погиб, но в год

его насильственной смерти он опять, тем не менее, должен-де ожить, процарствовать еще сорок два месяца, то есть 1260 дней, и только после этого «восставший бог» его победит и закует на тысячу лет. Думаю, Нерон не стал бы возражать против продления своей жизни еще на тысячу лет, хоть и закованным. Это, конечно, если все воспринимать буквально, на чем, как мы должны помнить, настаивает церковь.

В значительно более поздней статье – «К истории первоначального христианства» – Энгельс подробнее разбирает истоки его возникновения на основе не только работ Бауэра, но и других историков религии. В частности, он упоминает Лукиана из Самосаты, так сказать, Вольтера «классической древности», который без предвзятости и даже скептически относясь ко всем религиям, описывал начальную стадию возникновения христианских общин. В то же время Энгельс иронично оценил работу Э. Ренана, которого он назвал «французским беллетристом, сочинившим церковно-исторический роман “Происхождение христианства” на основе беспримерного даже в современной журналистике бесцеремонного использования немецкой критики библии».

Немецкая критика религии в свое время прославилась трудами Тюбингенской школы, к которой относился и Д. Штраус. Конечно, их критика не могла выходить за рамки *теологических* направлений, тем не менее, именно она признавала, что «все четыре евангелия являются не рассказами очевидцев, а позднейшими переработками утерянных писаний и что из посланий, приписываемых апостолу Павлу, подлинными являются не больше четырех и т. д.»

О теперь еще раз о книге Откровения Иоанна Богослова.

Кто читал Откровение, тот должен знать, что в нем изображены такие чудища, в которые будучи в здравом уме трудно поверить. Но для времени его написания, подчеркивает Энгельс, это было в порядке вещей, поскольку тогда «первостепенную роль играли чудеса, экстазы, видения, заклинания духов, прорицания будущего, алхимия, каббала и прочая мистическая колдовская чепуха».

А вот целая связка неувязок, на которые обратил внимание Энгельс:

Святая троица не только неизвестна, она здесь невозможна. Вместо позднейшего

одного святого духа мы имеем здесь «семь духов божиих», сконструированных раввинами на основании Книги Исаии, гл. XI, 2. Христос – сын божий, первый и последний, альфа и омега, но отнюдь не сам бог или равный богу; напротив, он – «начало *творения* божьего», следовательно, существующая испокон веков, но подчиненная эманация бога, как и упомянутые семь духов. В гл. XV, 3, мученики поют на небе «песнь Моисея, раба божия, и песнь агнца» для прославления бога. Таким образом, здесь Христос выступает не только как подчиненный богу, но даже как поставленный в известном отношении на одну ступень с Моисеем. Христос распят в Иерусалиме (XI, 8), но воскрес (I, 5, 18); он – «агнец», принесенный в жертву за грехи мира, и его кровью искуплены перед богом верующие всех народов и языков.

Получается, что у Иоанна Христос еще не бог. И даже не одна из ипостасей Троицы. Это Откровение существенно противоречит не только Евангелиям, но и Посланиям Павла, которые, по утверждениям немецких критиков, были написаны «по меньшей мере на 60 лет позднее Откровения».

Итак, у Павла никакой Троицы пока не существует. Царствует сам Яхве, к тому времени из национального божества иудеев превратившись в единого высочайшего бога земли и неба. И в день страшного суда в качестве судьи он восседает, а Христос всего лишь «сидел одесную бога». Хотя в Евангелиях и Посланиях, написанных позже, восседал именно Иисус.

Верующего человека должно было бы насторожить, что в Откровении вообще не говорится о крещении, но часто о «запечатлении». Так сказать, ни слова «о купельной воде». Следовательно, и об этой христианской институции Иоанн не ведал.

Христофил должен был бы также ужаснуться призыву Иоанна: «Доколе, владыка, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» Владыка отреагировал и Агнец отомстил: три четверти человечества как не бывало!

Вот тебе и «религия любви»! Вот так «любите врагов своих»! И Энгельс неожиданно отвечает: «здесь проповедуется месть, неприкрытая месть, здоровая, честная месть гонителям христиан. И так во всей книге». Явно автор Откровения, несмотря на то, что оно помещено в самый конец Нового завета, предыдущие

главы не читал, поскольку они к тому времени были либо не написаны, либо не собраны в один главный манускрипт христианства.

В одной из работ мне уже приходилось обращать внимание на фразу: «Эти те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники». Энгельс интерпретирует этот небесный трюк таким образом: «И в самом деле, на небе нашего Иоанна нет ни одной женщины. Он принадлежит, следовательно, к тому нередко встречающемуся и в других произведениях первоначального христианства направлению, которое вообще считало половые связи греховными». Не то, что современные христиане.

А вот несбывшееся пророчество Христа и его апостола Иоанна, которое их поклонники могли бы предъявить в качестве обвинения. Энгельс цитирует:

Наш Иоанн в самом начале характеризует свою книгу как откровение того, «чему надлежит быть *вскоре*»; вслед за этим, в стихе 3, он возвещает:

«Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего, ибо *время близко*»:

Христос повелевает написать общине в Филадельфии: «Се, гряди *скоро*».

Этих христосовских «Гряди *скоро*» множество раз встречается в Евангелиях и Посланиях. Можно только поражаться терпению христиан; ведь они до сих ждут этого «скоро».

В Откровении описываются всевозможные видения Иоанна, которые, как установили упомянутые критики, были заимствованы из различных источников. Это дает Энгельсу повод сказать: «Иоанн не только обнаруживает полнейшее духовное убожество, но и явно показывает, что он даже в воображении не переживал своих мнимых экстазов и видений так, как он их описывает».

В целом же Энгельс дает такой вердикт Откровению:

В том, что наша книга с ее столь своеобразно установленной датой – 68 или 69 г. – является самой древней из всей христианской литературы, не может быть сомнения. Нет ни одной другой книги, которая была бы написана таким

варварским языком, кишущим гебраизмами (древнееврейскими словами. – А.Б.), невероятными конструкциями и грамматическими ошибками.

Тем не менее, на мой взгляд, Откровение Иоанна Богослова является крайне полезной частью Евангелия, поскольку оно красноречиво вскрывает истинную суть христианства как религии, нацеленного на уничтожение всего человечества. Неслучайно христофилы, клирики и экзегеты обходят это Откровение и бурно ярятся, когда им напоминаешь деяния Агнца Божьего, в миру Иисуса Иосифовича. Это нормальное поведение логомахов.

Из-за ограниченного статейного пространства мне приходится пропустить рассуждения Энгельса о причинах раскола христианства (Реформация) в XVI в., а также об источниках библейских сказаний. Но тему «религия и наука» пропустить нельзя в силу ее актуальности, а в настоящее время в особенности, учитывая стремления теологов и даже части ученых обосновать примирение науки и религии на основе их якобы взаимодополняемости.

Религия и наука

Для начала немного о деизме и агностицизме. К пониманию деизма, как и ко всем явлениям, следует относиться исторически. Если в наше время для просвещенного человека приверженность к деизму я рассматривал бы как уступку религии, то для времен Средневековья это являлось своего рода формой если не сохранения жизни, то по крайней мере способом сохранить или не потерять работу. Для Энгельса: «Деизм – по крайней мере для материалиста – есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии». И в то же время он недоумевал, почему некоторые ученые, подобно геологу Бакленду и Мантеллу, продолжали верить в невероятные чудеса, описанные в Библии. И только «неумытая толпа», как тогда выражались, – рабочие, особенно социалисты, последователи Оуэна – продолжала в религиозных вопросах опираться на «собственный разум». Правда, отмечает Энгельс, после знаменитой выставки 1851 г. Англия «цивилизировалась». Вместо деизма в моду вошел агностицизм.

Известно, что агностик по своей природе материалист, он признает законы природы. Но, утверждают агностики, доказать или не доказать существование «высшего существа вне известного нам мира» невозможно. Это, так сказать, аксиома в кантовском стиле. Такая позиция, по мнению Энгельса, была бы еще извинительной во времена Канта или Лапласа. Последний, как известно, на вопрос Наполеона, почему в его «небесной механике» не упомянут «творец мира», ответил: «Je n'avais pas besoin de cette hypothese» («Я не нуждаюсь в этой гипотезе»). С тех времен наука прошла довольно большой и стремительный путь, сделал множество открытий в физике, химии, космогонии. И хотя очевидные научные факты постоянно опровергают уклончивый ответ агностиков о «высшем существе», тем не менее, прагматичная буржуазия, по мнению Энгельса, остается на почве реального материализма, что, на мой взгляд, является явным преувеличением, имея в виду к тому же еще большую склонность той же самой буржуазии к религии, о чем Энгельс написал в этой же самой статье.

Значительно подробнее тема науки и религии была освещена Энгельсом в книге «Диалектика природы». В ней он утверждает, что естествознание начало отделяться от теологии с момента опубликования работы Коперника. «Отсюда начинается свое летоисчисление освобождение естествознания от теологии, хотя выяснение между ними отдельных взаимных претензий затянулось до наших дней и в иных головах далеко еще не завершилось даже и теперь». Вынужден констатировать, что эти «дни» растянулись и до дней XXI в.

Несмотря на это, даже когда наука начала во весь голос заявлять о себе, в среде ученых находилось множество верующих в мистику, чудеса и прочую чепуху. Даже Ньютон на старости лет занялся толкованием Откровения Иоанна. В этой связи Энгельс упомянул Комиссию, созданную при Петербургском университете, которая должна была дать ответы на спиритические явления, которые активно проталкивали писатель А.Н. Аксаков и химик А.М. Бутлеров. В состав Комиссии входил Д.И. Менделеев и другие известные в России ученые. Комиссия пришла к тому заключению, что «спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана, а спиритическое учение

есть суеверие», и опубликовала свои выводы в газете «Голос» от 25 марта 1876 года.

Энгельс объясняет подобную веру в этот бред со стороны некоторых ученых «презрением к диалектике», в результате чего «некоторые из самых трезвых эмпириков становятся жертвой самого дикого из всех суеверий – современного спиритизма».

Пример со спиритизмом показывает, что сами по себе научные факты еще не достаточны, чтобы верно оценивать явления и их сущности. Помимо материалистического подхода, необходимо еще и диалектическое мышление, которое при пересечении в состоянии отражать научную истину. Но, как показывает практика, таким мышлением обладают не все люди науки, что позднее было показано в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

И все же, несмотря на промистические и прорелигиозные наклонности тех или иных ученых, даже они существенно ограничили всемогущество бога. Даже Исаак Ньютон, пишет Энгельс, «оставил ему еще “первый толчок”, но запретил всякое дальнейшее вмешательство в свою солнечную систему». Энгельс упоминает и других известных в свое время ученых, которые выводили волю «творца» за пределы поля своих исследований, отводя ему место, которое не нарушает открытые ими законы.

Религия и общество

Как было отмечено в самом начале, религиозная тематика постоянно возникала в связи с анализом политических или экономических процессов в обществах того времени. Об их взаимосвязи Маркс и Энгельс писали неоднократно, в том числе и в совместной работе «Святое семейство», где было сказано: «*Религиозные вопросы* имеют ныне общественное значение. О *религиозных* интересах, как о таковых, не может быть больше речи. Только *теолог* может еще думать, что дело идет о религии, как о таковой». (В скобках могу отметить, что *так* они думают до сих пор.)

Ранние годы своей научной деятельности Энгельс посвятил Англии, о которой он написал множество работ. В одной из них он высказал удивительное суждение: «Англичане – самый религиозный народ в мире и в то же время самый иррелигиозный; они больше беспокоятся о потустороннем мире, чем какая-либо другая нация, и, однако, живут при этом так, как будто для них нет ничего другого, кроме земного существования; их надежда на небо нисколько не мешает им верить так же крепко в «ад незарабатывания денег». (Такое впечатление, что это написано о современных американцах.) И далее в статье развивается мысль, как подобное противоречие разрешается англичанами, как совмещается религиозность и прагматизм, как уживается наука и вера. Эта тема более детально уже в контексте английской конституции и реальности жизни была развита в последующей статье, которая завершается описанием фактов о том, как под воздействием пропаганды атеистов и английских социалистов, в особенности Ричарда Карлейля, религиозная мишура в Англии постепенно рассыпается и как Англия в целом в качестве «христианского государства уже клонится к упадку».

В совместной работе Маркс и Энгельс обращают внимание на интересную деталь – смычку «верхов и низов» на религиозной почве. Они пишут: «Единственной опорой католицизма в Англии являются две крайние группы общества: аристократия и люмпен-пролетариат. Люмпен-пролетариат – чернь, состоящая из ирландцев или потомков ирландцев, которые по происхождению своему – католики». Надо сказать, что люмпен-пролетариат не только в Англии, но и во всех других странах, в которых происходили революционные события, всегда использовался правящими кругами против революционных движений промышленного пролетариата.

В отношении Англии интересна ремарка Маркса, хотя и написанная по другому поводу: «...Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда буржуазное преобразование общества совершилось, Локк вытеснил пророка Аввакума».

Всем революционерам надо запомнить: во всех революционных движениях говорить надо на языке народа, а не на языке политкорректной интеллигенции. И

поскольку в массе своей «народ», тот самый *profanum vulgus*, религиозен, надо владеть религиозной терминологией.

Но возвращаемся к Энгельсу. Пиша об Англии, он не забывал и свою родину – Германию. Одна из статей о Германии крайне интересна. Я имею в виду статью о прусском короле Фридрихе-Вильгельме IV, которая до удивления вызывает аналогию с ситуацией в современной России, где, как известно, нынешний президент не просто воскресил православие в ее царском варианте, но, более того, фактически осуществил слияние церкви и государства. То есть произошло то, о чем Энгельс писал в отношении Германии: «В последние годы жизни прежнего короля (Фридрих-Вильгельм III. – *Ред.*) реакция в государственном управлении начала объединяться с реакцией церковной. Развивая до конца свою противоположность абсолютной свободе, ортодоксальное государство как и ортодоксальная церковь оказались вынужденными вернуться к своим исходным положениям и восстановить христианский принцип со всеми его выводами».

Именно такое христианское государство утвердил нынешний президент России, откатив развитие страны на столетия назад. Причем пользовался он методами, как будто бы скопированными из политической деятельности Фридриха-Вильгельма IV. Судите сами:

Прежде всего, чтобы осуществить христианское государство, он должен пропитать христианскими идеями рационалистическое, бюрократическое государство, ставшее почти языческим, поднять культ, всячески поощрять его соблюдение. Это он и не преминул сделать. Сюда относятся мероприятия, предпринятые с целью усилить посещение церкви всеми вообще и чиновниками в особенности, более строгое соблюдение воскресного дня, проектируемый более суровый закон о разводе, начатая уже отчасти чистка богословских факультетов, предпочтение, оказываемое на экзаменах по богословию сильной вере при слабых познаниях, замещение многих официальных должностей преимущественно верующими людьми и много других общеизвестных мер. Они могут служить доказательством того, как сильно Фридрих-Вильгельм IV стремится вновь внедрить христианство непосредственно в государство, установить государственные законы по заповедям библейской морали.

Если бы в тексте не упоминалось имя прусского короля, я был бы на сто процентов уверен, что речь идет о нынешнем русском «царе». У Энгельса был какой-то особый дар «предсказывать» исторические события. Так, Энгельс со стопроцентной точностью еще задолго до конца эпохи царизма в России и социалистической революции в ней предвидел грядущие события.

Маркс о религии

Как было отмечено выше, Маркс меньше писал о религии, чем Энгельс. Это не означает, что «мало». В большинстве его работ, включая «Капитал», так или иначе, эта тема затрагивается хотя бы уже потому, что практически во все общественные явления, включая экономику, проникли религиозные метастазы.

В отличие от Энгельса, которого интересовали все аспекты религии, Маркс главным образом концентрировался на влиянии религии на ход общественного развития, и наоборот, последнего на саму религию. Обычно образованному человеку приходят на память ставшие знаменитыми его слова об «опиуме» и «угнетенной твари». Они были высказаны в его известной работе о Гегеле, в которой он доказывал, что не религия объясняет общество, а наоборот, государство, общество порождает религию, *«превратное мировоззрение, ибо сами они – превратный мир»*. И далее Маркс совершенно точно фиксирует значение религии как отражение объективных условий существования человека в мире.

Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur (вопрос чести. – *Ред.*), его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира, духовной услудой* которого является религия.

И вот еще одна важная мысль, которая не пришла в голову всем другим критикам религии, кто иронизировал над глупостью верующих. Действительно, глупость и невежество – демоническая сила, являвшаяся причиной многих трагедий, – присуща человеку и даже всему обществу. Но... *«Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа».*

Действительно, «опиум» может уменьшить боль человека, создать иллюзию благополучия на какое-то время и даже иллюзию счастья, но как и любой наркотик в конце концов он уничтожает человека, и уничтожает все общество, если оно держится на этом. И поэтому, чтобы выжить, чтобы развиваться и процветать прежде всего необходимо упразднение религии, *«как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия».*

Но это только первый шаг, точнее шаг, перед которым должен предшествовать другой акт общественного значения. А именно: *«Критика религии завершается учением, что человек – высшее существо для человека, завершается, следовательно, категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом...».* Другими словами, благом является свержение того строя, в основе которой лежат общественные отношения, порождающие религиозное убожество. Для чего это надо? Для того, чтобы положить конец христианским принципам, вгоняющим людей в рабство и холопство. Вот некоторые из них:

Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов – господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом – все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости – важнее хлеба. ...

Вот как обстоит дело с социальными принципами христианства.

Совершенно естественным ответом на эти христианские принципы, – а вся история христианства постоянно именно их и подтверждает – может быть только необходимость их уничтожения. Точнее, свержение того фундамента, на котором покоится религиозное мировоззрение, будь то феодализм, или капитализм. Именно такую благородную акцию по «уничтожению извращенной реальности» в свое время и осуществили большевики в России.

Христофилы также утверждают, что, дескать, во времена, когда властвовала религия, государства процветали, процветала культура и т.д. У Маркса есть развернутый ответ на это утверждение со ссылкой на историю Греции и Рима, который на фактах опровергает вымысел о процветании в периоды усиления религиозности. Среди них и такой пример: «Византийское государство было настоящим религиозным государством, ибо догматы здесь были политическими вопросами, но ведь византийское государство было самым худшим государством». А русские часто хвастаются родством с некоторыми царями этого государства и что религию они взяли у византийцев. Ничего худшего они придумать не могли.

В контексте «религия и наука» Маркс приводит обильный материал о мракобесии религиозных ученых типа Мальтуса и его коллег, а также показывает какой атаке подвергался Адам Смит со стороны этой поповской публики. Один из них, англиканский епископ доктор Хорн обрушился на него за то, что Смит «бальзамирует своего друга Давида» (т.е. Юма – *A.V.*) и вообще: «...Мы знаем ваши уловки, господин доктор! Вы хорошо задумали, да на этот раз просчитались. На примере Давида Юма вы хотели показать, что атеизм единственное подкрепление («cordial») упавшего духа и единственное противоядие против страха смерти... Смейтесь же над развалинами Вавилона и приветствуйте ожесточенного злодея

фараона!»

Читая подобные атаки клириков, следует обратить внимание на то, что обычно ими критикуются не конкретные выводы или умозаключения ученых, а их «моральный облик», или подвязывают под сюжеты, которые критикуемый или не признает, или просто о них не знает. Думаю, что Смит в голову не приходило смеяться над «Вавилоном» и «злодеем фараоном», которых он вряд ли воспринимал всерьез.

Социалистическое движение и религия

Борясь против религиозного дурмана, Маркс и Энгельс, естественно, следили за тем, как религия воспринимается внутри революционного движения в тогдашней Европе. Дело в том, что хотя коммунизм, как писал Маркс, «сразу же начинается с атеизма (Оуэн)», но «атеизм же на первых порах далеко еще не есть *коммунизм*». И современная действительность подтверждает данное утверждение Маркса, когда среди атеистов находится немало противников социализма и коммунистических идей.

Энгельс внимательно следил за антирелигиозной литературой и как она воспринимается населением той или иной страны, в основном тех, в которых были сильны антибуржуазные настроения и движения. Вот как описывает он ситуацию в Англии в «Письмах из Лондона» еще в начале своей революционной «карьеры». Он пишет, что когда-то повлиявшая на него книга Штрауса «Жизнь Иисуса» хотя и была переведена на английский язык, но «респектабельные книгоиздатели отказались ее печатать. Она в конце концов была напечатана во второразрядном издательстве. Такая же судьба, пишет он, постигла переводы Руссо, Вольтера, Гольбаха и других. Примечательно: «Байрона и Шелли читают почти только низшие сословия; ни один “респектабельный” человек, если он не желает заслужить самой ужасной репутации, не смеет держать сочинения Шелли на своем столе».

Энгельса восхищают английские социалисты, которые наряду с политической борьбой ведут и открытую борьбу против церквей. Среди них есть и

теоретики, «полные атеисты» – это Чарлз Саутуэлл из Бристоля, который издавал журнал «Оракул разума» (1841–1843). Несмотря на преследования властей за богохульство (тюрьма и штрафы), он после всяческих преследований создал новые газеты «Атеист» и «Атеист и республиканец». В это же время появилась еще одна газета – «Богохульник» под редакцией активного пропагандиста атеизма Джона Уотса – оба последователя Оуэна.

Роберт Оуэн, знаменитый социалист-утопист, не случайно упомянут Энгельсом в контексте религии, поскольку он в многочисленных своих брошюрах подвергал критике церковь и религию. По Оуэну, «брак, религия и собственность – единственные причины всего зла, какое существовало от начала мира» (!!); все его сочинения кишат яростными нападками на теологов, юристов и медиков, которых он валит в одну кучу».

Как бы то ни было, результаты подобной антирелигиозной пропаганды следующие: «...в одной только Англии пять миллионов человек совершенно отошли не только от церкви, но и от христианства». (При общей численности населения на тот период в около 18 млн человек.)

В Германии в те времена атеистические настроения были развиты больше, чем в других странах Европы, возможно, под воздействием множества книг антирелигиозного содержания. Тем не менее наиболее «творческие» атеисты прокоммунистического склада пытались выстраивать свою веру, которая позже получила название «христианского социализма». Одну из таких попыток Маркс и Энгельс развенчали в совместной статье, которая, как ни удивительно, является крайне актуальной для нынешнего коммунистического движения в России. Напомню, что в современной России существует Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), руководители которой активно эксплуатируют православие на базе того, что учение Христа – это как бы учение о любви между людьми, т.е. учение, совпадающее с учением коммунизма. Лидеры этой партии, потакая игре «в боженьку» (Ленин), то ли не знают, то ли сознательно игнорируют позицию классиков марксизма на эту тему. Она в явной форме была изложена в упомянутой статье, в которой с самого начала было сказано: «Криге под именем коммунизма проповедует старую религиозную немецкую философскую

фантазию, которая *прямо противоречит коммунизму. Вера*, а именно вера в «святой дух общности», – это то, в чем коммунизм меньше всего нуждается для своего осуществления». Приведу только два пункта цели «коммунистической борьбы» по Криге и реакцию на них со стороны авторов статьи:

1) «Сделать *религию любви* истиной и превратить в реальность столь долгожданную общность блаженных небожителей». Криге не замечает только, что эти христианские мечтания есть лишь фантастическое выражение существующего мира и что поэтому их «реальность» *уже проявляется* в дурных отношениях этого существующего мира.

2) «Во имя этой *религии любви* мы требуем, чтобы голодный был накормлен, жаждущий напоен, нагой одет», – требование, которое вот уже в течение 1800 лет до одури повторяется без малейшего успеха [10, с. 12].

И далее в таком же духе. Такими постулатами часть наивных коммунистических деятелей, явно не ведая сами, превращали атеистический социализм в поповский социализм, превращали революционную идеологию в идеологию безропотного смирения, или, как названа одна из главок этой статьи, в «Превращение коммунизма в бред о любви». В знаменитом «Манифесте коммунистической партии» такой «социализм» помещен в рубрику «Реакционный социализм» с подглавкой «Феодальный социализм».

Несмотря на такие завихрения среди части рабочих и их лидеров, в целом среди большинства немецких социал-демократических рабочих, атеизм не только укоренился теоретически, он стал как бы пройденным этапом, пишет Энгельс. И уточняет: «Это чисто отрицательное обозначение к ним уже неприменимо, так как они противостоят вере в бога уже не теоретически, а практически; они *попросту покончили с богом*, они живут и мыслят в действительном мире и являются поэтому материалистами. Примерно так же обстоит дело и во Франции».

Последней фразой Энгельс затронул крайне интересный вопрос, который достоин быть предметом отдельного анализа. Я имею в виду связь, или взаимосвязь между атеизмом и материализмом. Столь ли однозначно, что материализм ведет к атеизму, и наоборот. В данном случае я имею в виду

мировоззренческое взаимовлияние, а не тот прагматизм, который толкует материализм как предпочтение материальных ценностей над духовными. Хотя специально эта тема ни Марксом, ни Энгельсом не затрагивалась, но косвенный намек на их тесную взаимосвязь можно найти в их совместной работе – «Святое семейство».

Там написано: «Материализм выступил против Декарта в лице *Гассенди*, восстановившего *эпикурейский* материализм. Французский и английский материализм всегда сохранял тесную связь с *Демокритом* и *Эпикуром*. Другого противника картезианская метафизика встретила в лице *английского* материалиста *Гоббса*. Гассенди и Гоббс победили свою противницу спустя долгое время после своей смерти, в то самое время, когда она официально господствовала уже во всех французских школах».

Гассенди, тянулся к атеисту Эпикуру, Гоббс – атеист, Бейль, – «возвестивший появление атеистического общества», упомянутый в этом же контексте, – все они были атеистами или деистами. Даже схоласт Дунс Скот мучил себя вопросом: «не способна ли материя мыслить?» Вообще – «материализм – *прирожденный сын Великобритании*». У Ф. Бэкона «материализм таит в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития». Далее Гоббс, Локк. А далее французы: Кондильяк, Гельвеций, Ламетри.

Нет, Маркс с Энгельсом здесь не утверждают прямой взаимозависимости между атеизмом и материализмом, но приведенный ряд имен четко подталкивает к мысли об этой взаимозависимости.

А дальше идет еще одна цепочка, которая для некоторых тоже может показаться неоднозначной. Если ты атеистический материалист, ведет ли это обязательно к принятию коммунистической идеологии? Авторы на этот вопрос дают однозначный ответ (см. выше).

И хотя оба классика марксизма не ставили себе специальную задачу дать ответы на приведенные выше вопросы, на мой взгляд, они очевидны. Атеизм и материализм – две стороны одной медали. И то, и другое есть отражение объективной реальности, воплощенной в марксизме как научной дисциплине. Коммунизм же опирается на марксизм, методологией которого является

диалектический материализм. Соответственно, *подлинный коммунист – это непременно материалист и атеист.*

* * *

Здесь я коснулся лишь некоторых аспектов религиозной тематики, которые были в поле зрения Маркса и Энгельса. На самом деле их интересы были значительно шире. В контексте религии они размышляли о семье и браке, анализировали воздействие на развитие общества восточных религий, в частности индуизма и буддизма, довольно подробно описывали они влияние православной религии на ситуацию на Балканах и т.д.

Работы классиков марксизма по религиозной тематике, их убедительная аргументация огромного вреда религии для развития общества были настолько весомы, что повлияли не только на сторонников социализма и коммунизма, но и на их противников, особенно во второй половине XIX в. и в XX в. И даже в XXI в. мысли этих великих ученых относительно религии сохраняют свою актуальность, а может быть, еще более востребованы, поскольку религия получила как бы второе дыхание на фоне компрометации других общественных буржуазных идеологией, а также в связи с возросшей воинственностью ислама против христианства.

Алекс Бэттлер

26.02.2018